

УДК 321(497.5)
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.09

Государственное строительство как поиск онтологической безопасности: случай Хорватии в контексте распада СФРЮ

Даниил Олегович РАСТЕГАЕВ

младший научный сотрудник Отдела политической науки
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии
наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: rastegaev.2000@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1158-9987

ЦИТИРОВАНИЕ: Растегаев Д.О. Государственное строительство как поиск онтологической безопасности: случай Хорватии в контексте распада СФРЮ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 147–166.
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.09

Статья поступила в редакцию 08.05.2024.
Исправленный текст представлен 12.10.2024.

АННОТАЦИЯ. *Статья призвана рассмотреть процесс государственного строительства через призму теории об онтологической безопасности. Идея о поиске акторами устойчивого образа себя в мире позволяет рассмотреть угрозы безопасности сообщества в иных (помимо физического) измерениях. Автор производит попытку концептуализации понятия «рутинизация» – повторения определенных действий, которое призвано вытеснить тревожность и укрепить состояние онтологической безопасности сообщества. Основываясь на идеях Э. Гидденса, Дж. Митцен, Б. Стили и Ф. Эйдуса, автор показывает, что рутинизация, выстраиваемая как самими акторами, так и per se в силу осуществления меж-*

акторного взаимодействия, является базовым методом работы с критическими ситуациями. С другой стороны, именно критические ситуации формируют канал смены рутин. Рассматриваемый случай Хорватии в контексте распада социалистической Югославии позволяет проиллюстрировать идею о государственном строительстве как поиске онтологической безопасности. Критическая ситуация, связанная со сломом рутин «братства и единства», охарактеризовалась реактуализацией этнических противоречий; наиболее эффективно рассматривать развитие ситуации через взаимодействие четырех акторов: Ф. Туджмана, С. Милошевича, хорватов и сербов. Реакцией Ф. Туджмана на критиче-

скую ситуацию стало формирование рутин «франьонизма», главным выражением которого стало противопоставление хорватов и сербов, а также деконструкция югославского прошлого. Государственное строительство в духе «франьонизма», впрочем, привело не только к росту онтологической безопасности хорватов, но и к формированию новой критической ситуации между хорватами и сербами, разрешение которой привело к полноценному вооруженному конфликту.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: онтологическая безопасность, рутинизация, критическая ситуация, государственное строительство, СФРЮ, Хорватия, Сербская Краина, Ф. Туджман.

Окончание биполярного противостояния, сопровождавшееся распадом социалистического блока и прекращением существования ряда многонациональных федераций, породило волну этнических конфликтов, сопряженных с высокой степенью насилия. Как правило, особая жестокость при ведении этих конфликтов оправдывалась как некая вынужденная мера, «месть», «расправа» над своими историческими обидчиками. Не будет преувеличением утверждать, впрочем, что основным мотивом подобных действий была не сама по себе жажда жестокости, а поиск безопасности, стремление к ликвидации любых угроз выживаемости и устойчивости противоборствующих этнических сообществ, порой любой ценой. С другой стороны, безопасность, в поисках которой находятся субъекты конфликтного взаимодействия, не всегда соответствует ее «классической» («физической») ипостаси – часто акторы находятся в поиске безопасного «видения себя в мире». Эта посылка частично разрешает парадокс о вступлении коллективных субъектов в конфликт

(по сути отказа от части «физического» благосостояния членов сообщества) с целью поиска безопасности; необходимость исследования этого парадокса обуславливает выбор идеи об онтологической безопасности макрополитических субъектов как базового теоретического концепта настоящей статьи.

Парадокс безопасности (часто именуемый *дилеммой*) в части конфликтов имеет тенденцию к некоторому вертикальному – смысловому – распространению: не только обеспечение безопасности «государства А» может вести к небезопасности «государства В», но и достижение онтологической безопасности – комфортного ощущения «себя в мире» – для самого «государства А» способно привести к его же физической небезопасности. Вторая часть парадокса ощущается особо остро в конфликтах, где на кону стоит не только выживаемость противоборствующих групп, но и их ощущение «групповости». Так происходит именно в этнических конфликтах; этим обусловлен выбор случая Хорватии в контексте распада СФРЮ в качестве эмпирического объекта исследования.

Распад социалистической Югославии во многом показателен как случай реактуализации этнических конфликтов, обусловленных обширным историческим бэкграундом. Падение авторитета, а затем исчезновение союзного центра наделило бывшие субъекты федерации правом на достижение суверенитета и построение собственной государственности (причем независимо от того, был ли у той или иной группы исторический опыт существования в качестве независимого государства). В настоящей статье мы предлагаем рассматривать процесс государственного строительства как акт поиска онтологической безопасности – приобретение черт государственности как некой «рутины», комплекса повторяемых

действий, способствующих росту безопасного ощущения коллективных субъектов «себя в мире».

В этой работе автором будет использован ретроспективный анализ как необходимый инструмент для выделения причинно-следственных связей в исследуемой фактуре распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). Также автором будут применены элементы концептуального анализа в качестве базового метода работы с теоретическими выкладками, доступными к моменту написания статьи.

Неопределенность и рутина: зарисовки к «вытеснению» онтологической небезопасности

Исследователям онтологической безопасности всё еще приходится повторять «археологию» термина как мантру для первого знакомства читателя с функционалом концепта. Тем не менее нас интересует не концептуальный анализ как таковой¹, а лишь важные детали общего понятийного «пазла». Оригинальный термин британского психиатра Роберта Лейнга [Laing, 1960], который он применял как базовый критерий отличия здоровых людей от больных шизофренией, в социологию перенес другой британец, Энтони Гидденс. В своей работе «Модерность и самоидентичность» автор, так же как и Р. Лейнг, рассматривал онтологическую безопасность как способность субъекта ощущать свое «реальное, живое, цельное и темпорально непрерывное» присутствие в мире [Giddens, 1991]. Ключевым для онтологической безопасности является

понятие тревожности; собственно, процесс укрепления онтологической безопасности (по Э. Гидденсу) состоит в поддержании естественного, воспринимаемого как должное отношения к базовым экзистенциальным вопросам о времени, пространстве, непрерывности и идентичности; ответы на них позволяют выносить за скобки эту самую тревожность. Одной из главных техник достижения онтологической безопасности становится рутинизация, или вытеснение тревожности посредством каждодневного повторения определенных (ритуальных и не очень) действий – *day-to-day routines*. Сравним это с мыслью Эрнеста Ренана о нации как о «каждодневном плебисците»; при должном усердии всё, что становится элементом рутинизации, рано или поздно станет объективной социальной реальностью – это роднит наши догадки с мыслями теоретика конструктивизма Александра Вендта [Wendt, 1995] о природе конструируемых социальных явлений.

Впрочем, дискурс об онтологической безопасности включает и компонент рефлексии, который мы не можем проигнорировать в интересах наиболее полного представления концепта. Классический аргумент против конструктивистских теорий вращается вокруг послышки о «переносе» черт поведения личности на деятельность коллективных субъектов в целом и государств в частности; впрочем, действуя в рамках этой статьи в парадигме конструктивизма (и не ставя исследовательский вопрос о ревизии конструктивизма), мы должны согласиться с рядом его допущений.

Российские авторы [Худайкулова, Неклюдов, 2019] указывают на отсутствие единого понимания категорий

¹ Здесь мы можем отослать к основным обзорным работам на русском языке [Севастьянова, Ефременко, 2020; Худайкулова, Неклюдов, 2019].

«предсказуемости» и, соответственно, «неопределенности». Дженнифер Митцен и Катарин Кинвалл (можно сказать, «классики» литературы об онтологической безопасности) говорят о «сверхполагании» (*over-reliance on*) на идеи Э. Гидденса, предлагая свои варианты интерпретации его базовых понятий [Kinvall, Mitzen, 2020]. Также некоторые авторы критикуют гиперболизацию фактора поддержания стабильности как основного способа достижения онтологической безопасности (*status-quo bias*) [Browning, Joenniemi, 2017]. Феминистская теория, в свою очередь, оспаривает закрепление определенных социальных порядков с точки зрения подчеркивания необходимости существования политической критики и протестных движений, чье поле активности сужается по мере приближения коллективных субъектов к состоянию онтологической безопасности [Rossdale, 2015].

Вернемся к проблеме рутинизации. Для Джефа Хейсмана, одного из первых исследователей онтологической безопасности в плоскости международных отношений [Huysmans, 1998], этот вариант безопасности означал некоторую стратегию, с помощью которой можно было бы «управлять пределами рефлексивности» через помещение социальных отношений в определенный институциональный и символический порядок. Другими словами, поиск онтологической безопасности нацелен не на искоренение «противников» (*enemies*), а на стимулирование процесса упорядочивания социальной реальности, ключевым вопросом которой становится выработка отношений к тем элементам, которые не входят в систему (*strangers*). Онтологическая безопасность противопоставляется автором безопасности каждодневной (*daily security*) – стратегии выживания, направленной на противо-

стояние воспринимаемым (*objectified*) угрозам, – тем самым «противникам», уже являющимся частью системы. Более того, Дж. Хейсманс считает, что каждодневная безопасность вводит некоторый «уровень определенности путем объективации абстрактного страха смерти через конструирование врага», в то время как онтологическая безопасность имеет дело с вопросами собственно принципа детерминированности угроз и упорядочивания хаоса вообще. Следовательно, государство есть главный актер онтологической безопасности, поскольку создает необходимое ощущение порядка – детерминирует систему социальных отношений и задает своим существованием координатное поле, на котором угрозы можно объективировать.

Исследовательница Дж. Митцен [Mitzen, 2006] считает, что онтологическая безопасность достигается рутинизацией отношений со значимыми другими; этим положением она формирует один из двух наиболее популярных сегодня подходов [Zarakol, 2010] к трактовке онтологической безопасности. Подобная рутинизация ведет к формированию устойчивой связи субъекта с другими себе подобными – для создания ощущения агентности, как раз и необходимой для поддержания устойчивости «себя в мире»; это положение хорошо коррелирует с позицией Дж. Хейсмана о «порядке как системе». Упорядочивание восприятий ведет к образованию «защитного кокона» (*protective cocoon*), позволяющего актору верить в устойчивость своего мироощущения – системы «базового доверия» (*basic trust system*). Механизмом реализации такого «базового доверия» является создание «рутин» – внутренне запрограммированных когнитивных и поведенческих реакций на некоторые получаемые извне стимулы. Такие рутины не выбираются в каком-ли-

бо значимом смысле, а принимаются, по мнению Дж. Митцен, как данность; и поскольку рутины формируют идентичность, акторы становятся к ним привязаны. Это таит в себе огромный конфликтный потенциал: рутинизировать можно и конфликтное взаимодействие с «другим» – так онтологическая безопасность может вступать в противоречие с физической, а ее субъектам может быть выгодно вести даже сопряженный с высокой степенью жестокости конфликт для поддержания устойчивости концепта «себя». Для поиска онтологической безопасности иногда выгоднее оказывается устойчивая война (с весьма понятным разграничением на «друзей» и «врагов») вместо неустойчивого мира – так появляются особые, неразрешимые (*intractable*) конфликты.

В целом идея рутинизации как основного способа укрепления онтологической безопасности характерна и для остальных подходов и авторов. Brent Стили [Steele, 2008], приверженец «индивидуалистического» подхода, также рассматривал рутинизацию как необходимую часть поиска онтологической безопасности. Для Б. Стили, впрочем, рутины уже не выстраиваются исключительно в отношениях между субъектами, как для Дж. Митцен (и, следовательно, не воспринимаются как объективная данность); акторы могут самостоятельно выстроить все необходимые реакции и образцы поведения. При этом рутинизация (как и стандартизация реакций на внешние стимулы) постепенно лишает субъектов способности к научению; формируя свои поведенческие образцы, акторы часто оказываются их заложниками. Впрочем, идея об эндогенном выстраивании рутин может привести нас и к существующим концептам о конструировании национальных идентичностей: это и «национальный

порядок вещей» Лизы Малкки [Malkki, 1995], и «банальный национализм» Майкла Биллига [Billig, 1995], и «интернализация» и «малые истории» Сары Рэдклифф и Салли Вествуд [Radcliffe, Westwood, 1996], и «биография нации» Феликса Беренскёттера [Berenskoetter, 2014], и даже «секьюритизации памяти» Марии Мальксоо [Malksoo, 2015].

Б. Стили, как и другой исследователь, Филип Эйдус [Ejdus, 2020], добавляет в свое исследование понятие «критическая ситуация» (автор которого тоже Э. Гидденс), означающее некоторое «непредсказуемое обстоятельство или происшествие, затрагивающее существенное число участников сообщества и разрушающее уверенность (или угрожающее ее разрушением) в институционализированных рутинах». По мнению Ф. Эйдуса, государства гораздо более уязвимы к онтологической небезопасности, и такие акторы «могут попытаться рутинизировать свое подчиненное положение в мире через нарративы виктимизации и построить свою самоидентификацию на этой черте». Следовательно, критические ситуации, разрушая старые рутины, стимулируют дальнейшее разворачивание процесса рутинизации. «Критическая ситуация» отлично рифмуется с другими понятиями, устоявшимися в сфере изучения безопасности этнических групп: «растущая анархия» при распаде многонациональных федераций Барри Позена [Posen, 1993], автора концепта «дилеммы этнической безопасности», или формулировка «ситуация дилеммы безопасности», встречающаяся у многих авторов [Rose, 2000; Roe, 2000].

Здесь стоит отметить и идеи, предлагаемые сторонниками «теории критических изменений» (*critical junctures theory*) [Pierson, 2004, p. 135; Capocchia, Kelemen, 2007; Collier, Collier, 1991]. В самом общем выражении термин обо-

значает изменения, ставящие институты и процессы на траектории, которые в будущем будет трудно изменить. При этом подобные *critical junctures* должны длиться меньше или гораздо меньше, чем их последствия; более того, совсем не обязательно, чтобы общество не возвращалось к исходной точке. Другими словами, сторонники этой теории полагают, что в процессе развития некоторого общества может наступать непродолжительный период «критических изменений», в рамках которого политики или иные акторы встают перед выбором многочисленных путей дальнейшего развития; особенность такой ситуации, как мы отметили ранее, заключается именно в долговременности последствий выбранных опций. Следовательно, описанная нами выше «критическая ситуация» может привести к некоторому «критическому изменению» – новой институциональной рутине, которая будет определять долгосрочный тренд развития сообщества, поддерживая *per se* устойчивость восприятия сообществом себя в мире.

Таким образом, понятие «рутинизация», характерное в области международных отношений только для дискурса об онтологической безопасности, удачно вписывается в контуры исследований об этнических процессах. Рутинизация является важным «пазлом» в общей картине деятельности и развития макрополитических акторов: это ключевой процесс на пути к обретению такими субъектами ощущения своей безопасности. Выстраиваемые экзо- и эндогенно, рутины взаимозаменяемы; впрочем, ускоренной смене одной рутины на другую может способствовать некая критическая ситуация.

Рутинизация: «братство и единство» в социалистической Югославии

В социалистической Югославии, рассмотрение истории которой важно для понимания истоков кризиса 1990-х годов, существовали свои рутины, слом которых обозначил критическую ситуацию для всех населявших ее народов. Параметры будущего кризиса были определены в том числе ограниченностью выстраиваемых «сверху» идеологических рутин.

Югославская федерация (сначала ФНРЮ, затем СФРЮ) была создана победителями во Второй мировой войне – коммунистами-партизанами, которые в результате многолетней антифашистской борьбы получили абсолютный мандат на формирование нового государственного строя. Логика нового правительства строилась на принципе «пролетарского югославизма» и на лозунге «братство и единство» – декларируемом равенстве всех народов Югославии. Обратим внимание, что уже в декларации второго заседания Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ)² – главном документе, на основании которого была возобновлена югославская государственность, – не нашлось места даже мусульманам-боснийцам. Народы получали свои союзные республики (Босния и Герцеговина была образована без народа, который имел бы абсолютное большинство, – после распада Югославии это стало причиной масштабных кровавых конфликтов), а национальные меньшинства (за исключением венгров и албанцев) свои территориальные образования – нет. Следовательно, уже в основании соци-

2 Одлука II заседања АВНОЈ-а о изградњи Југославије на федеративном принципу // Викизворник. – Сербохорв. јаз. – URL: https://sr.wikisource.org/wiki/Одлука_II_заседања_АВНОЈ-а_о_изградњи_Југославије_на_федеративном_принципу (дата обраћања: 07.05.2024).

алистической Югославии был заложен парадокс, выражаемый в формальном «братстве и единстве» при фактическом неравенстве населявших Югославию народов.

Рутина, сформированная идеологией «братства и единства», была довольно поверхностной и выполняла, скорее, условную пропагандистскую функцию. По сути, она находила свое выражение в публичном замалчивании ряда спорных вопросов. Даже сама по себе этничность зачастую была предметом эвфемизации: например, при объявлении артистов была распространена практика замены этнической принадлежности на территориальную: так хорватские певцы были «загребскими», а сербские – «белградскими» [Goldstein, 2017]. Рутинизировалось, по крайней мере, не страшное прошлое или относительно хорошее, но всё же не такое безоблачное настоящее, а «прекрасное будущее», в котором все национальные преграды будут преодолены: этот вектор привел, например, к появлению в переписи 1961 г. национальной категории «югослав» [Мартынова, 1998]. Идеологическая рамка «пролетарского югославизма» позволяла отбраковывать все «чуждые» нарративы в общественных дискуссиях как «буржуазный национализм» [VII kongres..., 1958], а все негативные элементы окружающей реальности оправдывать скорым преодолением всех проблем. Следовательно, любой выход за эти рамки (в частности, националистическая риторика) провоцировал разрушение действующих рутин и, как следствие, рост онтологической небезопасности.

Реальность давала огромное количество поводов ощущать тревожность: как минимум сам по себе политический

процесс в послевоенной Югославии строился на (кулуарном) противостоянии двух партийных полюсов. Две эти группы возглавляли сторонник более централизованной федерации, руководитель службы государственной безопасности Югославии серб А. Ранкович и сторонник большей хозяйственной автономии республик от союзного центра, один из главных идеологов Югославии словенец Э. Кардель [Гуськова, 2011] – при «верховном арбитре» И. Броз Тито. Победа Э. Карделя, ознаменованная громкой отставкой А. Ранковича в 1966 г., дала «зеленый свет» «автономистам», что, очевидно, не могло не способствовать возникновению критической ситуации.

Первым своеобразным краш-тестом существующих рутин, наверное, стала «Хорватская весна» (или «маспок» – от хорв. *masovni pokret* – «массовое движение») – широкое общественное движение в Хорватии конца 1960-х – начала 1970-х годов, расширившее повестку национального вопроса с хозяйственной автономии до языкового и культурного равноправия народов Югославии. Исходной точкой «маспока» стала «Декларация о положении и названии хорватского литературного языка», выпущенная хорватским просветительским обществом «Матица хорватская» в марте 1967 г. Декларация содержала требования о конституционном равноправии словенского, хорватского, сербского и македонского языков, а также об использовании хорватского языка в прессе и школах³.

Декларация вызвала широкий общественный резонанс и тем самым поставила под сомнение часть из существующих рутин. Во-первых, документ практически дезавуировал положения

3 Декларacija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Matica Hrvatska. – Сербохорв. яз. – URL: http://www.matica.hr/kolo/kolo2009_1.nsf/AllWebDocs/Deklaracija_o_nazivu_i_položaju_hrvatskog_književnog_jezika (дата обращения: 07.05.2024).

Новисадского договора 1954 г.⁴ о единстве сербохорватского языка; рутинизированное единство народов Югославии через язык ставилось под сомнение. Во-вторых, в публичное пространство возвращался фактор «отличности» и неравноправия югославских народов, сокрытый за идеологической рутинной «братства и единства»; начались реальные политические дискуссии, которые раньше оставались за кулисами внутрипартийной борьбы. В-третьих, «Матица хорватская», заявив так широко о своей позиции по языковому вопросу, стала претендовать на собственную субъектность в качестве квазиполитической партии (к 1970 г. существовало уже 55 ячеек Матицы во многих городах Хорватии; не могло не возникнуть опасений в том, что за языковым вопросом последует актуализация других, более острых противоречий), что размывало рутинизированную монополию коммунистической партии – и как модератора общественных дискуссий, и как единственного политического игрока вообще.

Декларация способствовала началу разнообразных дискуссий и внутри партии, и в среде интеллектуалов, и в обществе. Тренд на ведение публичных обсуждений был продолжен, в частности, и Институтом истории рабочего движения, возглавляемым будущим президентом независимой Хорватии Франьо Туджманом; институт стал активно проводить публичные мероприятия, где поднимался вопрос о пересмотре хорватской истории [Гуськова, 2011]. Впрочем, после начала студенческих демонстраций в Загребе в 1971 г. движение, развивавшееся и неуклонно политизировавшееся на протяжении четырех лет, было в скором порядке свернуто: сами демонстрации были

разогнаны милицией, организаторы движения со стороны членов коммунистической партии (Савка Дабчевич-Кучар, Мико Трипало и др.) были сняты с должностей, была проведена масштабная чистка в Союзе коммунистов Хорватии, а в 1972 г. была закрыта «Матица хорватская».

«Критическое изменение» здесь означено консервацией старой рутины; оно было проведено силовыми методами со стороны союзного центра. Следовательно, без участия центра любой следующий кризис смог бы легко перерасти в критическую ситуацию.

Неопределенность: распад Югославии как критическая ситуация

В другой (и последний) раз рутина «братства и единства» была поставлена под сомнение уже сербами-диссидентами. Ключевой проблемой для них представлялась перспектива потери Косова, и с отставкой А. Ранковича такие опасения только усилились. Уже в разгар «маспока» в публичном пространстве вопрос о положении сербов в Косове поднял публицист Добрица Чосич, выступив с речью на встрече с лидерами коммунистической партии в мае 1968 г.; вслед за хорватскими либералами в начале 1970-х годов были преследуемы и сербские диссиденты. Массовый отъезд сербов из Косова, начавшийся после смерти И. Броз Тито и главным образом спровоцированный новыми националистическими выступлениями в крае 1981 г., только добавил этнополитического накала в сербскую и югославскую политику. К этому же времени относится публикация двух работ, обозначивших серьезные претензии некоторых народов Югославии на слом

4 Novosadski dogovor // Викизворник. – Сербохорв. яз. – URL: https://sr.wikisource.org/wiki/Novosadski_dogovor (дата обращения: 07.05.2024).

существующих рутин: «Ислам между Востоком и Западом» (1980) будущего главы независимой Боснии и Герцеговины Али Иветбеговича и «Национализм в современной Европе» (1981) будущего президента Хорватии Франьо Туджмана. По большому счету, их можно расценивать как манифесты, излагающие националистические программы переустройства союзных республик Югославии.

На этом фоне сербы, составлявшие значительное по численности меньшинство в Хорватии и Боснии и Герцеговине, а также в Косово (части собственной национальной республики), не могли не почувствовать угрозу собственному существованию. Определенный общественный резонанс вызвала публикация проекта Меморандума Сербской академии наук и искусств 1986 г.⁵, где поднимался вопрос о крайне бедственном положении сербов не только в Косово, но и в Хорватии. По сути, меморандум можно было назвать (ответным хорватскому и боснийскому) манифестом сербского национального движения; в силу этого документ, опубликованный на страницах белградской газеты «Вечерние новости», стал еще одним эпизодом раскручивания спирали конфликтности, которая в итоге привела к распаду СФРЮ и Югославским войнам. Националистические нарративы хорватов и боснийских мусульман, а также нарратив о «жертвенности» сербского народа оказался сильнее рутины «братства и единства», и тренд на демократизацию управления Югославией привел к рождению «национальных предпринимателей» в союзных республиках. С разрушением старых, «примирительных», рутин стала формироваться критическая ситуация (детерминиро-

ванная манифестированным соперничеством вместо хотя бы ритуально рутинизированного «единства»), развитие которой привело к полномасштабному вооруженному конфликту (первым эпизодом которого стала война в Хорватии).

Для описания процессов формирования критической ситуации на фоне распада СФРЮ мы обратимся к работе Эстер Виссер и Изабель Дюйвестейн «Нерелевантность дилеммы безопасности для гражданских войн» [Visser, Duyvesteyn, 2014]. Помимо того, что авторы резко критикуют применимость модели дилеммы к анализу этнополитической конфликтности, они довольно удачно предлагают рассматривать сложившуюся в Югославии ситуацию в оптике акторного подхода. Э. Виссер и И. Дюйвестейн выделяют четырех действующих «лиц» в этом кризисном взаимодействии: С. Милошевича (и даже не лидеров хорватских сербов), Ф. Туджмана, сербов и хорватов. Конечно, рассмотрение групп как самостоятельных акторов представляется в некоторой степени редуccionизмом (хотя это не стало препятствием, например, для формирования целого дискурса о «дилемме этнической безопасности», в который внесли свой вклад Б. Позен [Posen, 1993], У. Розз [Rose, 2000] и С. Кауфман [Kaufman, 1996]); впрочем, другие авторы [Bojicic-Dzelilovic, 2015], применявшие подобный подход, рассматривали исключительно Ф. Туджмана и С. Милошевича как основных или единственных действующих лиц, что является редуccionизмом в большей степени. С другой стороны, более детальный акторный анализ показывает, что в это время самостоятельным игроком была и Югославская народная армия (ЮНА) во главе с генералом

5 Меморандум САНУ // Викизворник. – Сербохорв. яз. – URL: https://sr.wikisource.org/wiki/Меморандум_САНУ (дата обращения: 07.05.2024).

Велько Кадиевичем [Гольдштейн, 2024]; впрочем, актором межэтнического взаимодействия ЮНА стала только с началом гражданской войны в Хорватии, полностью встав на сторону сербов.

По мнению авторов, критическая ситуация в Хорватии в контексте распада СФРЮ развивалась по спиральной модели, что было обусловлено недостатком информации и неправильным восприятием намерений сторон. Пропаганда С. Милошевича о бедственном положении сербов отрикошетил в сторону Ф. Туджмана, активизировавшего свою национальную риторику и пришедшего в результате к власти в Хорватии как лидер Хорватского демократического содружества (ХДС). Хорватские сербы, восприняв политику Ф. Туджмана как угрозу своему существованию, начали стихийно самоорганизовываться в группы, чтобы предотвратить «ушастский террор». Сами хорваты восприняли воинственность сербов в их оборонительных устремлениях как угрозу целостности уже своего сообщества.

Расширить рамку Э. Виссер и И. Дюйвестен можно за счет критикуемой ими теории. Физические параметры наступающей критической ситуации изложены в многочисленных публикациях политических реалистов, обозревавших применительно к этому случаю свою «дилемму этнической безопасности». «Физичность», или слишком явная опора на обоснования «выживаемости» и следование физической безопасности, не должны завести нас в тупик: рассматриваемая нами критическая ситуация действительно характеризуется наличием опасности физического истребления группы целиком или отдельных ее представителей. «Этнический страх» [Bojicic-Dzelilovic, 2015; Heath, 2016] в этом случае является синонимом онтологической небезопасности; главная причина на-

ступления критической ситуации – исчезновение рутин союзной югославской государственности.

Критическая ситуация в оценках политических реалистов характеризуется невозможностью проведения различий между оборонительными и наступательными намерениями, а также тем, что «наступление» считается выгоднее «обороны». Параметры такой ситуации Б. Позен передает в виде «окон возможностей» [Posen, 1993] (*windows of vulnerability and opportunity*), к которым он относит распад «империи» (то есть многоэтнической политики), преимущество в скорости государственного строительства, преимущество в вооружении, ожидания внешнего вмешательства. Из этого следует не только то, что обладание этими преимуществами способно обеспечить безопасность (как физическую, так и онтологическую), но и то, что отсутствие таковых приводит к состоянию онтологической небезопасности. Следовательно, ликвидация преимущества противоположной стороны способствует росту как защищенности, так и устойчивости сообщества.

При этом, как представляется, критическая ситуация не была однородной для всех акторов. Реалист С. Кауфман [Kaufman, 1996] разделял конфликты элит и конфликты масс; следовательно, возвращаясь к аргументации Э. Виссер и И. Дюйвестен, критическая ситуация для С. Милошевича и Ф. Туджмана не была эквивалентна критической ситуации для сербов или хорватов. Если для С. Милошевича ситуация была критической изначально (что было обусловлено перспективой потери Косова), то для Ф. Туджмана она стала таковой по итогам тиражирования агрессивной риторики С. Милошевича; следовательно, путь преодоления этой критической ситуации был найден в государственном строительстве.

Институциональный «задел» хорватской независимой государственности (который мы разберем в следующем разделе) стал критической ситуацией для хорватских сербов, которые, чувствуя перспективу ассимиляции (конституционный статус «государствообразующего» для сербского народа был понижен до обычного «национального меньшинства», сербские партии проиграла выборы в Сабор 1990 г.), начали самостоятельно организовывать и институционализировать свое проживание в Хорватии. Для самих хорватов критическая ситуация по большому счету стала актуальной только после «революции бревен» (первого эпизода вооруженного столкновения хорватов и сербов в результате разгона незаконного (с точки зрения Загреба) референдума об автономии краинских сербов в составе Хорватии августа 1990 г.), когда стало понятно, что конфликтное взаимодействие сторон приближается к полноценному вооруженному столкновению.

Рутинa-2: Ф. Туджман и хорватская национальная государственность

Выделение Ф. Туджмана в качестве отдельного актора этнического взаимодействия в целом не случайно: по большому счету он стал персональным воплощением идеи независимого хорватского государства. Исследователи говорят даже о «франьонизме» [Bellamy, 2003; Sadkovich, 2010] в качестве специфической версии хорватского национализма, насаждавшегося самим Ф. Туджманом и его последователями из ХДС. «Франьонизм» же и определил наполнение пустовавших рутин, выступив на некоторое время вектором государственного строительства в Хорватии. Собственно, «франьонизм» и стал тем «критическим изменением», бла-

годаря которому хорватская государственность обрела самостоятельные рутины, но из-за которых молодое государство должно было столкнуться с серьезными вызовами физической и онтологической безопасности.

Для начала определим временные отрезки, которые помогут нам ориентироваться в хронологической картине проходивших в Хорватии событий. 10 декабря 1989 г. Союз коммунистов Хорватии постановил провести первые многопартийные выборы в Сабор (парламент Хорватии), выборы прошли 22 апреля 1990 г., в результате к власти пришли ХДС и Ф. Туджман. 25 июля прошел Великий сербский собор, сербы Краины начали процесс институционального оформления сербской автономии в Хорватии. На 17 августа был намечен референдум о сербской автономии, хорватская полиция пыталась его разогнать и впервые применила силу против сербов («революция бревен»). 22 декабря была принята новая Конституция Хорватии, днем ранее – Конституция Сербской автономной области Краина. В марте 1991 г. прошло первое боевое столкновение сербов и хорватов, к лету перешедшее в полномасштабную гражданскую войну. Как показывает ретроспектива, курс Ф. Туджмана привел к силовому решению «сербского вопроса»; поиск онтологической безопасности для нового правительства обернулся серьезным кризисом безопасности физической.

Ключевым для изложения поиска онтологической безопасности Ф. Туджманом является отрезок от созыва Сабора до принятия конституции (соответственно, май – декабрь 1990 г.); в это время конфликтный идентитарный потенциал накопился настолько, что мог уже конвертироваться в физический.

Главной чертой «франьонизма» (помимо интеграции всех версий «хорватской национальной идеи») ста-

ло выстраивание сербов в качестве значимого «другого». Соответственно, государственное строительство – в нашем случае закрепление доминирующего нарратива в институциональных структурах – было подчинено идее скорейшего избавления от югославского и (как следствие) сербского контекста. Работа по разработке новых рутин велась (с разной степенью успешности) в трех приоритетных сферах: истории, символической политике, религии.

1. Биографический нарратив, выстраиваемый Ф. Туджманом, был призван связать воедино традицию независимой хорватской государственности с антиюгославизмом. При этом «антипартизанство», доведенное до определенной степени, способно привести к реабилитации усташества; игра на «ушташи-ностальгии» (термин С. Джурашковица [*Durašković*, 2016]) оказалась успешной в деле возвращения хорватов из Эмиграции (уехавших в основном после Второй мировой войны), но провальной в деле избегания вооруженного конфликта с сербами. Еще один важный момент: если «братство и единство» выполняло интегративную функцию, не только подчеркивая общность победы, но и равномерно распределяя ответственность за «националистические» преступления минувшей войны [*Radonic*, 2013], то национализм каждой отдельно взятой страны стремился, оправдывая себя, акцентировать ответственность других народов за военные преступления.

Первая главная мысль новой исторической картины мира Ф. Туджмана – Хорватия имеет долгую традицию независимой государственности, начиная с раннего Средневековья. При этом в качестве основы преемственности хорватских государств конструировались институты Сабора и бана (руководителя страны, назначавшегося Сабором) [*Bellamy*, 2003]. В узловые мо-

менты для Хорватии Сабор принимал добровольное решение о вхождении в состав другого государства при условии сохранения автономии; эта традиция была прервана только с вхождением Хорватии в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. Так идея югославизма была переконтекстуализирована в главное препятствие на пути к восстановлению независимой государственности Хорватии.

При этом именно антиюгославизм был ключевым элементом новой биографии. Особо подчеркивался «европейский» путь хорватов, противопоставление их с сербами на цивилизационной основе. Вхождение Хорватии сначала в Венгрию, а затем в империю Габсбургов интерпретировалось как правильное решение, основанное на «европейском» выборе хорватов. Подобное положение становится уникальным для всего хорватского националистического дискурса; по крайней мере, это входит в явное противоречие с идеями основателей хорватского национализма (как Анте Старчевича, «отца» хорватской партии права, выступавшего на независимость Хорватии, так и Йосипа Штросмайера, идеолога хорватского варианта югославизма), которые в свою очередь, помимо коренных различий, имели схожие представления о необходимости отделения от Габсбургской монархии.

При этом оправдывались любая идея и любое событие, ослаблявшие «централизм» Югославии и способствовавшие независимости Хорватии. В этом смысле даже создание марионеточного усташского Независимого государства Хорватия (конечно, с оговорками о бесчеловечности установившегося режима Анте Павелича) приветствовалось как «выражение исторического намерения хорватского народа по созданию своего государства» [*Durašković*, 2016], а трагедия в Блайбурге препод-

носились (и преподносятся даже сейчас) как одно из главных преступлений партизан-коммунистов.

Артикуляция усташского наследия представляла собой главный триггер для формирования критической ситуации у сербов (впрочем, у Ф. Туджмана были проблемы и с представителями правых партий, которые, в свою очередь, критиковали его за недостаточно националистическую политику [Veselinović, 2016]). Тем не менее для Ф. Туджмана, стремившегося к «национальному примирению» и видевшего в своем лице «выразителя чаяний хорватского народа», эта политика была неизбежной. Интеграция всей хорватской истории в надежде на примирение выглядела как минимум эклектичной (постановка в один ряд, скажем, Владко Мачека, добившегося формирования Хорватской бановины в составе королевской Югославии, и Анте Павелича, при котором сам Мачек был замучен в лагере Ясеновац). В качестве яркой метафоры можно вспомнить намерение Ф. Туджмана перезахоронить жертв Блайбурга в Ясеновац [Bellamy, 2003, p. 71], тем самым примирив жертв и их палачей. Этому плану, к счастью, не было суждено сбыться, хотя «место памяти» Блайбург начали активно выстраивать как «хорватский холокост» и прямое противопоставление «месту памяти» Ясеновац [Radonic, 2013].

Итак, новая биография была призвана рутинизировать ощущение «восстановления» государственности после долгого перерыва, связанного с нахождением Хорватии в Югославии. Впрочем, заигрывание с «усташи-но-

стальгией» делало эту рутину ресурсом тревожности для аут-группы – сербов Краины.

2. Символическая политика Ф. Туджмана и ХДС сконцентрировалась вокруг восстановления докоммунистических названий или изменения их на более «хорватские». Новые символы должны были закрепить рутины новой государственности; естественно, первыми «под нож» пошли артефакты коммунистической эпохи.

Первый день работы Сабора – 30 мая – был объявлен новым государственным праздником. 25 июня было убрано слово «социалистическая» из названия страны. Началась кампания по созданию или переименованию «хорватских» учреждений: создание хорватского информационного агентства *HINA*⁶ как альтернативы югославскому *Tanjug*, создание авиакомпании «Хорватские авиалинии»⁷, переименование Загребского радиотелевидения в Хорватское радиотелевидение⁸.

Другой важный сюжет – смена топонимов в интересах нового националистического нарратива. Происходило «обратное» переименование улиц и площадей Загеба с возвращением прежних имен вместо коммунистических (к примеру, бывшая площадь Ленина получила имя короля Крешимира IV [Пивоваренко, 2014, с. 114]). При этом изменялись даже названия улиц, связанные с жертвами фашизма: так, улица Декабрьских жертв стала улицей Св. Петра, а площадь Жертв фашизма – площадью Хорватских героев [Bellamy, 2003, p. 71].

Среди символических изменений стоит отметить переименование мили-

6 Zakon o Hrvatskoj izvještajnoj novinskoj agenciji «HINA» // Narodne Novine. – Сербохорв. яз. – URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_07_31_614.html (дата обращения: 07.05.2024).

7 Povijest // Croatia Airlines Official Website. – Сербохорв. яз. – URL: <https://www.croatiaairlines.com/hr/O-nama/Korporativne-informacije/povijest> (дата обращения: 07.05.2024).

8 Zakon o Hrvatskoj radio-televiziji // Narodne Novine. – Сербохорв. яз. – URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_06_28_533.html (дата обращения: 07.05.2024).

ции в полицию (решение стало одной из предпосылок «революции бревен»), изменение стандартов преподавания в школе (обращение «господин» и «госпожа» к учителям, отмена уроков марксизма и введение уроков религии), отмену празднования Дня Республики (главного праздника социалистической Хорватии) 29 ноября [Пивоваренко, 2014, с. 114–115].

Конституционный процесс был запущен в июле 1990 г.⁹ – тогда был опубликован драфт новой хорватской конституции. Недопредставленность сербского населения в Саборе предопределила спорный характер предстоящих решений. Некоторые конституционные положения продолжали линию на изменение символического в Хорватии: преамбула¹⁰ утверждала положения «хорватского исторического права» (отсчитывая историю Хорватии с первых раннесредневековых княжеств и проч.), Хорватия провозглашалась «национальным государством хорватского народа и иных национальных меньшинств», официально признавался «хорватский язык с латинским начертанием». Был принят закон (в дополнение к конституции) о новых государственных символах¹¹: обновленная «шаховница» (ассоциировавшаяся у сербов с гербом усташей¹²) стала новым государственным гербом. Так Хорватия еще до своего официального выхода из Югославии получила символы суверенного государства, рутинизировав в символическом поле свою независимость.

Итак, рутинизация государственных символов со стороны ХДС и Ф. Туджмана проходила вкупе с отказом от коммунистического наследия порой в пользу «усташского». «Агрессивность» рутин для воспринимающих ее извне, хоть и означала серьезность и бесповоротность наступления постъюгославской эпохи для Хорватии и самих хорватов, что было ресурсом онтологической безопасности, предопределила дальнейший этнополитический конфликт с хорватскими сербами.

3. Приложением к «франьонизму» стало подчеркивание католичества как противопоставления и официальному атеизму СФРЮ, и православию сербов. Ситуативный альянс католической церкви и ХДС был, впрочем, ограничен. С одной стороны, Ф. Туджман действительно пытался кооптировать церковь в архитектуру «франьонизма», его политические воззрения были близки церковному консерватизму. По мнению Ф. Туджмана, кстати, именно католическая церковь подпитывала хорватскую идентичность в коммунистические времена [Bellamy, 2003, p. 156]. Некоторые современные хорватские исследователи высказывают предположение, что одним из намерений Ф. Туджмана было выстраивание ХДС как христианско-демократической партии [Žižić, 2020]. С другой стороны, церковь, не отказываясь от своей акторности, пыталась получить некоторые дивиденды от новой партии власти. Так, например, в школах уроки марксизма были заменены на уроки религии, чуть позже

9 Odluka da se pristupi donošenju Ustava Republike Hrvatske // Narodne Novine. – Сербохорв. яз. – URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_07_31_609.html (дата обращения: 07.05.2024).

10 Ustav Republike Hrvatske // Narodne Novine. – Сербохорв. яз. – URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_12_56_1092.html (дата обращения: 07.05.2024).

11 Ukaz o proglašenju Zakona o grbu, zastavi i himni Republike Hrvatske te zastavi i lenti predsjednika Republike Hrvatske // Narodne Novine. – Сербохорв. яз. – URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_12_55_1067.html (дата обращения: 07.05.2024).

12 При этом обновленная шаховница отличалась от усташского варианта обратным расположением красных и белых клеточек: герб НГХ начинался с белой клеточки, новый хорватский герб – с красной.

был восстановлен католический факультет Загребского университета [Пивоваренко, 2014, с. 114–115].

Для Ф. Туджмана религия играла важную роль в легитимации действующей власти. Церковь поддержала ХДС на выборах в Сабор, хотя высшие клирики в целом не высказывались в пользу Ф. Туджмана напрямую [Bellamy, 2003, р. 158]. Инаугурация Ф. Туджмана 30 мая проходила в присутствии главы католической церкви Хорватии – архиепископа Франьо Кухарича [Пивоваренко, 2014, с. 105]. Естественно, католические священники активно посещали все мемориационные мероприятия в Блайбурге [Radonic, 2013]. Начался процесс реабилитации Алоизие Степинаца, архиепископа Загребского времен ВМВ и знаковой фигуры для хорватского национального самосознания; в 1992 г. Степинац был полностью реабилитирован.

Тем не менее католическая церковь отказалась от той роли, которую ей оставил Ф. Туджман, а с началом войны церковь и вовсе начала критиковать действия ХДС. Католицизм, несмотря на все усилия новых властей, так и не стал опорой «франьонизма».

Государственность как рутина: выводы

Связка построения государственности с ростом онтологической безопасности и восприятием новых рутин интересна с точки зрения рассмотрения новых перспектив теории об онтологической безопасности. Случай Хорватии наглядно демонстрирует, как, с одной стороны, усилия по формированию образа новой государственности способствуют росту устойчивости ощущения коллективной общности, а с другой – агрессивность формируемых рутин побуждает тех, против кого символически направлена эта рутина, дальше раскручивать спираль конфликтности.

Рассмотрение механизмов рутин «братства и единства» социалистической Югославии помогает определить контуры «критической ситуации», на митигацию которой были направлены новые рутины «франьонизма». Идея «братства и единства» ненадолго смогла обеспечить безопасность ощущения «себя в мире» для недавно враждовавших между собой этнических групп, главным образом хорватов и сербов. Политические процессы в союзной Югославии привели к сознательной деконструкции «братства и единства» как со стороны хорватов, так и со стороны сербов; дальнейшие этнополитические (и, как следствие, онтологические) процессы развивались в виде взаимодействия четырех ключевых акторов: С. Милошевича, Ф. Туджмана, сербов и хорватов.

Рутины «франьонизма» (главным образом выраженные в идее «хорватского исторического права» и символической декоммунизации) были призваны превратить Хорватию в сильное национальное государство для хорватов. Работа велась в трех приоритетных сферах: были предприняты попытки кооптировать исторический нарратив, символическое пространство и религию в новые идеологические рамки. Ф. Туджман претворял в жизнь исключительно свое видение будущего хорватов, сознательно идя на конфронтацию с сербами. Интегративность «франьонизма», попытка примирить сразу всех хорватов сыграли с Хорватией злую шутку: за бортом формируемого сообщества намеренно остались сербы. Новые рутины, ликвидируя для хорватов критическую ситуацию в связи с распадом Югославии, создали еще более критическую ситуацию для хорватских сербов, которые были вынуждены начать вооруженное сопротивление во имя обеспечения выживаемости собственной группы.

Список литературы

Гольдштейн И. Взгляд из Загреба: Югославия исчезает, социализм терпит крах // Распад Югославии: 30 лет спустя / отв. ред. С.А. Романенко. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – С. 156–172.

Гуськова Е.Ю. Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций // Югославия в XX веке. – Москва : Индрик, 2011. – С. 701–734.

Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. – Москва : Старый сад, 1998. – 466 с.

Пивоваренко А.А. Становление государственности в современной Хорватии (1990–2001 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2014. – 312 с.

Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 66–86. – DOI: 10.31249/poln/2020.02.03.

Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – № 6 (69). – С. 129–149.

Bellamy A.J. The Formation of Croatian National Identity. A Centuries-old Dream? – Manchester : Manchester University Press, 2003. – 221 p.

Berenskoetter F. Parameters of a national biography // European Journal of International Relations. – 2014. – Vol. 20, N 1. – P. 262–288. – DOI: 10.1177/1354066112445290.

Billig M. Banal Nationalism. – London : Sage, 1995. – 208 p.

Bojicic-Dzelilovic V. The politics, practice and paradox of 'ethnic security' in Bosnia-Herzegovina // Stability: International Journal of Security and Development. – 2015. – Vol. 4, N 1. – P. 1–18. – DOI: 10.5334/sta.ez.

Browning C.S., Joenniemi P. Ontological security, self-articulation and the se-

curitization of identity // Cooperation and Conflict. – 2017. – Vol. 52, N 1. – P. 31–47. – DOI: 10.1177/0010836716653161.

Capoccia G., Kelemen R.D. The study of critical junctures: Theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism // World Politics. – 2007. – Vol. 59, N 3. – P. 341–369. – DOI: 10.1017/S0043887100020852.

Collier R.B., Collier D. Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America. – Princeton : Princeton University Press, 1991. – 877 p.

Durašković S. National identity-building and the "Ustaša-nostalgia" in Croatia: the past that will not pass // Nationalities Papers. – 2016. – Vol. 44, N 5. – P. 772–788. – DOI: 10.1080/00905992.2016.1171301.

Ejdus F. Crisis and Ontological Insecurity. Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession. – Cham : Palgrave Macmillan, 2020. – 202 p.

Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. – Stanford : Stanford University Press, 1991. – 256 p.

Goldstein I. Croatia and Croats in Yugoslavia. Resistance to Centralism // Yugoslavia from a Historical Perspective. – Belgrade : Helsinki Committee for Human Rights in Serbia, 2017. – P. 126–162.

Heath O. Does multiparty competition increase ethnic security fears? Evidence from North India // Party Politics. – 2016. – Vol. 22, N 6. – P. 746–757. – DOI: 10.1177/1354068814560935.

Huysmans J. Security! What do you mean? From concept to thick signifier // European journal of international relations. – 1998. – Vol. 4, N 2. – P. 226–255. – DOI: 10.1177/1354066198004002004.

Kaufman S.J. An 'international' theory of inter-ethnic war // Review of International Studies. – 1996. – Vol. 22, N 2. – P. 149–171. – DOI: 10.1017/s0260210500118352.

- Kinnvall C., Mitzen J. Anxiety, fear, and ontological security in world politics: Thinking with and beyond Giddens // *International Theory*. – 2020. – Vol. 12, N 2. – P. 240–256. – DOI: 10.1017/S175297192000010X.
- Laing R.D. *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. – Harmondsworth : Penguin, 1960. – 224 p.
- Malkki L. *Purity and Exile: Violence, Memory and National Cosmology Among Hutu Refugees in Tanzania* – London : University of Chicago Press, 1995. – 352 p.
- Mälksoo M. “Memory must be defended”: Beyond the politics of mnemonical security // *Security Dialogue*. – 2015. – Vol. 46, N 3. – P. 221–237. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>.
- Mitzen J. Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma // *European Journal of International Relations*. – 2006. – Vol. 12, N 3. – P. 341–370. – DOI: 10.1177/1354066106067346.
- Pierson P. *Politics in Time*. – Princeton : Princeton University Press, 2004. – 208 p.
- Posen B.R. The security dilemma and ethnic conflict // *Survival*. – 1993. – Vol. 35, N 1. – P. 27–47. – DOI: 10.1080/00396339308442672.
- Radcliffe S, Westwood S. *Remaking the Nation: Place, Identity and Politics in Latin America*. – London : Routledge, 1996. – 212 p.
- Radonic L. Croatia’s Politics of the Past during the Tuđman Era (1990–1999) – Old Wine in New Bottles? // *Austrian History Yearbook*. – 2013. – Vol. 44. – P. 234–254.
- Roe P. Former Yugoslavia: the security dilemma that never was? // *European Journal of International Relations*. – 2000. – Vol. 6, N 3. – P. 373–393. – DOI: 10.1177/135406610006003003.
- Rose W. The security dilemma and ethnic conflict: Some new hypotheses // *Security Studies*. – 2000. – Vol. 9, N 4. – P. 1–51. – DOI: 10.1080/00396339308442672.
- Rossdale C. Enclosing critique: the limits of ontological security // *International Political Sociology*. – 2015. – Vol. 9, N 4. – P. 369–386.
- Sadkovich J.J. Forging Consensus: How Franjo Tuđman Became an Authoritarian Nationalist // *Review of Croatian History*. – 2010. – Vol. 6, N 1. – P. 7–35.
- Steele B. *Ontological Security in International Relations: Self-identity and the IR State*. – New York : Routledge, 2008. – 244 p.
- Veselinović V. Franjo Tuđman i pravaši // *Politička misao*. – 2016. – Vol. 53, N 1. – S. 71–102. – Сербохорв. яз.
- Visser E., Duyvesteyn I. The irrelevance of the security dilemma for civil wars // *Civil Wars*. – 2014. – Vol. 16, N 1. – P. 65–85. – DOI: 10.1080/13698249.2014.904986.
- Wendt A. Constructing international politics // *International Security*. – 1995. – Vol. 20, N 1. – P. 71–81. – DOI: 10.2307/2539217.
- Zarakol A. Ontological (in)security and state denial of historical crimes: Turkey and Japan // *International Relations*. – 2010. – Vol. 24, N 1. – P. 3–23. – DOI: 10.1177/0047117809359040.
- Žižić J. Franjo Tuđman, demokracija i Hrvatska demokratska zajednica // *Obnovljeni Život*. – 2020. – Vol. 75, N 4. – S. 475–492. – Сербохорв. яз. – DOI: 10.31337/oz.75.4.3.
- VII kongres Saveza komunista Jugoslavije. – Beograd : Kultura, 1958. – 450 s. – Сербохорв. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.09

State-Building and the Ontological Security Seeking: Croatia in the Context of the Disintegration of the SFRY

Daniil O. RASTEGAEV

Junior Researcher of the Department of Political Sciences
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovskiy Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: rastegaev.2000@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1158-9987

CITATION: Rastegaev D.O. (2024). State-Building and the Ontological Security Seeking: Croatia in the Context of the Disintegration of the SFRY. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 147–166 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.06.09

Received: 08.05.2024.

Revised: 12.10.2024.

ABSTRACT. *The article examines the process of state-building through the prism of the theory of ontological security. The idea that actors seek a stable image of themselves in the world allows for the consideration of threats to community security in non-physical dimensions. The author attempts to conceptualize the notion of “routinization” – the repetition of certain actions aimed at bracketing out anxiety and strengthening the ontological security of the community. Drawing on the ideas of A. Giddens, J. Mitzen, B. Steele, and F. Ejodus, the author argues that routine, constructed both by the actors themselves and through inter-actor interaction, is a fundamental method of coping with critical situations. At the same time, it is precisely critical situations that create opportunities for changing existing routines. The case of Croatia in the context of the collapse of socialist Yugoslavia illustrates the idea of state-building as the pursuit of ontological security.*

The critical situation associated with the breakdown of the routines of “brotherhood and unity” was marked by the reactivation of ethnic tensions. It is thus most effective to analyze the development of this critical situation through the interaction of four actors: F. Tuđman, S. Milošević, Croats, and Serbs. F. Tuđman played a significant role in shaping the routines of “Franjonism” as a response to the critical situation. “Franjonism” was expressed through the opposition between Croats and Serbs, and the deconstruction of Yugoslavia’s past within Croatia. State-building in the spirit of “Franjonism,” however, not only increased the ontological security of Croats but also led to the emergence of a new critical situation between Croats and Serbs, the resolution of which escalated into a full-scale armed conflict.

KEYWORDS: *ontological security, routinization, critical situation, state-building, SFRY, Croatia, Serb Krajina, F. Tuđman.*

References

- Bellamy A.J. (2003). *The Formation of Croatian National Identity: A Centuries-old Dream?* Manchester: Manchester University Press, 221 pp.
- Berenskoetter F. (2014). Parameters of a national biography. *European Journal of International Relations*. Vol. 20, no. 1, pp. 262–288. DOI: 10.1177/1354066112445290.
- Billig M. (1995). *Banal Nationalism*. London: Sage, 208 pp.
- Bojicic-Dzelilovic V. (2015). The politics, practice and paradox of 'ethnic security' in Bosnia-Herzegovina. *Stability: International Journal of Security and Development*. Vol. 4, no. 1, pp. 1–18. DOI: 10.5334/sta.ez.
- Browning C.S., Joenniemi P. (2017). Ontological security, self-articulation and the securitization of identity. *Cooperation and Conflict*. Vol. 52, no. 1, pp. 31–47. DOI: 10.1177/0010836716653161.
- Capoccia G., Kelemen R.D. (2007). The study of critical junctures: Theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism. *World Politics*. Vol. 59, no. 3, pp. 341–369. DOI: 10.1017/S0043887100020852.
- Collier R.B., Collier D. (1991). *Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America*. Princeton: Princeton University Press, 877 pp.
- Durašković S. (2016). National identity-building and the "Ustaša-nostalgia" in Croatia: the past that will not pass. *Nationalities Papers*. Vol. 44, no. 5, pp. 772–788. DOI: 10.1080/00905992.2016.1171301.
- Ejdus F. (2020). *Crisis and Ontological Insecurity. Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession*. Cham: Palgrave Macmillan, 202 pp.
- Giddens A. (1991). *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press, 256 pp.
- Goldstein I. (2017). Croatia and Croats in Yugoslavia. Resistance to Centralism. *Yugoslavia from a Historical Perspective*. Belgrade: Helsinki Committee for Human Rights in Serbia, pp. 126–162.
- Goldstein I. (2024). View from Zagreb: Yugoslavia vanishes, socialism is destroying. In: Romanenko S.A. (ed.). *Dissolution of Yugoslavia: 30 Years Ago*. Moscow: INION RAS, pp. 156–172 (in Russian).
- Gus'kova E.Yu. (2011). Yugoslav federation in 1960s. Struggle of the two trends. In: *Yugoslavia in the 20th Century*. Moscow: Indrik, pp. 701–734 (in Russian).
- Heath O. (2016). Does multiparty competition increase ethnic security fears? Evidence from North India. *Party Politics*. Vol. 22, no. 6, pp. 746–757. DOI: 10.1177/1354068814560935.
- Huysmans J. (1998). Security! What do you mean? From concept to thick signifier. *European Journal of International Relations*. Vol. 4, no. 2, pp. 226–255. DOI: 10.1177/1354066198004002004.
- Kaufman S.J. (1996). An 'international' theory of inter-ethnic war. *Review of International Studies*. Vol. 22, no. 2, pp. 149–171. DOI: 10.1017/s0260210500118352.
- Khudaykulova A.V., Neklyudov N.Ya. (2019). The Concept of Ontological Security in International Political Discourse. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 69, no. 6, pp. 129–149 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149.
- Kinnvall C., Mitzen J. (2020). Anxiety, fear, and ontological security in world politics: Thinking with and beyond Giddens. *International Theory*. Vol. 12, no. 2, pp. 240–256. DOI: 10.1017/S175297192000010X.
- Laing R.D. (1960). *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. Harmondsworth: Penguin, 224 pp.
- Malkki L. (1995). *Purity and Exile: Violence, Memory and National Cosmology Among Hutu Refugees in Tanzania*. London: University of Chicago Press, 352 pp.

- Mälksoo M. (2015). "Memory must be defended": Beyond the politics of mnemonical security. *Security Dialogue*. Vol. 46, no. 3. pp. 221–237. DOI: 10.1177/0967010614552549.
- Martynova M.Yu. (1998). *Balkan Crisis: Peoples and Politics*. Moscow: Stary sad, 466 pp. (in Russian).
- Mitzen J. (2006). Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma. *European Journal of International Relations*. Vol. 12, no. 3, pp. 341–370. DOI: 10.1177/1354066106067346.
- Pierson P. (2004). *Politics in Time*. Princeton: Princeton University Press, 208 pp.
- Pivovarenko A.A. (2014). *Formation of Statehood in Modern Croatia (1990–2001)*. PhD Thesis (History). Moscow: Institute of Slavic Studies, 312 pp. (in Russian).
- Posen B.R. (1993). The security dilemma and ethnic conflict. *Survival*. Vol. 35, no. 1, pp. 27–47. DOI: 10.1080/00396339308442672.
- Radcliffe S, Westwood S. (1996). *Re-making the Nation: Place, Identity and Politics in Latin America*. London: Routledge, 212 pp.
- Radonic L. (2013). Croatia's Politics of the Past during the Tuđman Era (1990–1999) – Old Wine in New Bottles? *Austrian History Yearbook*. Vol. 44, pp. 234–254.
- Roe P. (2000). Former Yugoslavia: the security dilemma that never was? *European Journal of International Relations*. Vol. 6, no. 3, pp. 373–393. DOI: 10.1177/1354066100006003003.
- Rose W. (2000). The security dilemma and ethnic conflict: Some new hypotheses. *Security Studies*. Vol. 9, no. 4, pp. 1–51. DOI: 10.1080/00396339308442672.
- Rosdale C. (2015). Enclosing critique: the limits of ontological security. *International Political Sociology*. Vol. 9, no. 4, pp. 369–386.
- Sadkovich J.J. (2010). Forging Consensus: How Franjo Tuđman Became an Authoritarian Nationalist. *Review of Croatian History*. Vol. 6, no. 1, pp. 7–35.
- Sevastianova Ya.V., Efremenko D.V. (2020). Securitization of memory and dilemma of mnemonic security. *Political science (RU)*. No. 2, pp. 66–86 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2020.02.03.
- Steele B. (2008). *Ontological Security in International Relations: Self-identity and the IR State*. New York: Routledge, 244 pp.
- Veselinović V. (2016). Franjo Tuđman and the Rightists. *Politička misao*. Vol. 53, no. 1, pp. 71–102 (in Serbo-Croatian).
- Visser E., Duyvesteyn I. (2014). The irrelevance of the security dilemma for civil wars. *Civil Wars*. Vol. 16, no. 1, pp. 65–85. DOI: 10.1080/13698249.2014.904986.
- Wendt A. (1995). Constructing international politics. *International Security*. Vol. 20, no. 1, pp. 71–81. DOI: 10.2307/2539217.
- Zarakol A. (2010). Ontological (in) security and state denial of historical crimes: Turkey and Japan. *International Relations*. Vol. 24, no. 1, pp. 3–23. DOI: 10.1177/0047117809359040.
- Žižić J. (2020). Franjo Tuđman, Christian Democracy and the Croatian Democratic Union. *Obnovljeni Život*. Vol. 75, no. 4, pp. 475–491 (in Serbo-Croatian). DOI: 10.31337/oz.75.4.3.
- VII kongres... (1958). *7th Congress of the League of Communists of Yugoslavia*. Beograd: Kultura, 450 pp. (in Serbo-Croatian).